

Пленник

Мы проехали около десяти километров, когда почва заметно стала повышаться. Как я узнал позже, мы приближались к берегу одного из давно уже высохших морей Тара, на дне которого состоялась моя первая встреча с тарианцами.

Вскоре мы достигли подножия горной цепи и, проехав через узкое ущелье, выбрались в долину, на окраине которой было низкое плоскогорье. Я увидел огромный город. Мы помчались по направлению к нему.

Мы ехали по разрушенному шоссе, выходившему прямо из города, но достигавшему лишь края плоскогорья, где оно внезапно обрывалось, переходя в лестницу, состоящую из ряда широких ступеней.

При ближайшем рассмотрении, когда мы проезжали по городу, я увидел, что строения необитаемы и, несмотря на незначительные разрушения, пустуют, по-видимому, уже много лет. В центре города была большая площадь, которая, равно как и прилегающие к ней здания, была занята лагерем, принадлежащим девятистам или тысяче существ того же облика, как и мои захватчики, каковыми я считал их теперь, несмотря на гуманный способ, посредством которого был пойман в ловушку.

Если не считать украшений, все были совершенно наги. Женщины лишь немногим отличались от мужчин, за исключением, что их клыки, пропорционально росту, были значительно длиннее, причем у некоторых они достигали высоко расположенных ушей. Тела их были меньше, и имели более светлую окраску, а на пальцах рук и ног виднелись зачатки ногтей, совершенно отсутствующих у мужской половины. Рост взрослых женщин достигал 3-3,5 метров.

Тела детей были светлого цвета, даже светлее, чем у женщин. Мне казалось, что они совершенно одинаковы, за исключением того, что одни были выше других, наверно просто старше.

Среди тарианцев я не заметил пожилых. В их внешности, не было особенной разницы, начиная от зрелого возраста – сорока лет – до тысячелетнего, когда они добровольно отправлялись в свое последнее страшное плавание по реке Исс. Исток которой неизвестен ни одному живому тарианину, и из лона которой еще никогда никто не возвращался, а если бы и вернулся, то его никогда не оставили бы в живых, после того, как он проплыл ее холодные, темные воды.

Не более одного тарианца из тысячи, умирает от болезни или несчастного случая, а около двадцати из тысячи предпринимают добровольное паломничество. Остальные погибают насильственной смертью на дуэлях, охоте, в авиационных полетах и на войне; но наибольшая смертность имеет место в детском возрасте, когда неисчислимое количество маленьких тарианцев становятся жертвой больших белых обезьян Тара.

Средний возраст, которого достигают тарианцы после наступления зрелости – около трехсот лет, но он дожил бы и до тысячи, если не различного рода несчастья. Из-за неуклонно исчезающих жизненных ресурсов планеты, представлялось необходимым противодействовать перенаселению, являющейся результатом их исключительных познаний в области терапии и хирургии. Итак, человеческая жизнь на Таре потеряла свою первоначальную ценность, что привело к различным видам опасного спорта, появившегося из-за непрекращающейся вражды между отдельными общинами.

Есть еще ряд естественных причин, вызывающих уменьшение населения, но самая серьезная

из всех – это та, что, ни один мужчина, и ни одна женщина на никогда не ходит без оружия.

Когда мы приблизились к площади, и мое присутствие было обнаружено, нас окружили сотни уродов, которые, казалось, горели желанием стащить меня с сиденья позади моего стража.

Одно слово вождя, и шум прекратился, мы стали пересекать площадь по направлению к монументальному сооружению, подобного которому никогда не видел глаз смертного.

Здание было невысокое, однако занимало громадную площадь. Оно было построено из сверкающего белого мрамора, выложенного золотом и бриллиантами, которые сверкали и переливались всеми цветами радуги под лучами солнца. Главный вход был шириной в 30 метров и выдавался вперед так, что над входной галереей образовался огромный навес. Лестницы не было, но небольшой наклон, ведущий на первый этаж, расширялся и превращался в гигантский зал, окруженный галереями.

В помещении, заставленном большим количеством разных столов и стульев, собралось около сорока или пятидесяти тарианцев мужского пола. Все они сгруппировались возле ступеней широкого возвышения. На нем восседал огромный воин, украшенный с ног до головы металлическими изделиями, разноцветными перьями и красиво сделанным кожаным убором, изящно выложенным драгоценными камнями.

С его плеч свисала короткая мантия из белого меха и подкладке из яркого пурпурного шелка.

Что меня поразило, во всей этой картине, полнейшая непропорциональность этих существ по отношению к столам, стульям и другой мебели. Все предметы были приспособлены для человеческого роста, вроде меня, в то время как огромные тела тарианцев с невероятными усилиями втискивались в стулья, а под столами не хватало места для их длинных ног. Из этого следовало, что на Таре имелись и другие обитатели, помимо тех, в руки которых я попал; с другой стороны, признаки большой древности всей окружающей обстановки свидетельствовали о том, что эти строения могли принадлежать давно вымершей и забытой расе, обитавшей на Таре в незапамятные времена.

Наш отряд остановился у входа, по знаку вождя, меня опустили на пол. Охранник взял меня за руку и мы прошли в зал аудиенций. По-видимому, в Таре церемония знакомства с верховным вождем не была сопряжена с особенными формальностями.

Взявший меня в плен воин просто подошел к возвышению, причем остальные расступились, по мере того, как он проходил вперед. Сидевший на возвышении поднялся на ноги и произнес имя моего конвоира, который в свою очередь остановился и повторил имя правителя, после чего следовал полный его титул.

В тот момент вся церемония и произнесенные слова не имели для меня никакого значения, но позднее я узнал, что это является обычной формой приветствия между зелеными. Если ты – чужестранец, и не в состоянии сказать свое имя, должен молча обмениваться украшениями, если миссия носит мирный характер. В противном случае мы обменялись бы выстрелами или завоевали себе право входа каким-нибудь другим способом.

Имя взявшего меня в плен было Тарс Таркас. Он был вице-вождем общины, известный как умный государственный деятель и как воин. Он кратко доложил о приключениях, связанных с его экспедицией, включая взятие меня в плен, а когда закончил, верховный вождь обратился ко мне.

Я ответил ему на своем языке только для того, чтобы убедить, что ни один из нас не в

состоянии понять другого, но заметил, что, когда в окончании своей речи я слегка улыбнулся, он сделал то же самое. Этот факт и аналогичный ему во время моей первой беседы с Тарс Таркасом убедил меня в том, что у нас есть хотя бы одно общее: способность улыбаться, следовательно, и смеяться; это указывало на наличие чувства юмора. Но позднее я узнал, что улыбка тарианца – чисто внешнее проявление, а смех может заставить поседеть самого смелого человека.

Юмор у зеленых сильно отличался от нашего понимания. Например, предсмертная агония товарища может вызвать самое необузданное веселье, а лучшим развлечением они считают убийство военнопленных самыми дикими и ужасными способами.

Собравшиеся воины, подойдя ко мне, вплотную разглядывали, и ощупывали меня мои мускулы и кожу. Затем верховный вождь изъявил, желание видеть как я прыгаю, сделав мне знак следовать за ним, направился с Тарс Таркасом к открытой площади.

Со времени моей первой неудачной попытки ходить, я больше не брался за это опасное дело, исключая те два случая, когда я шел с Тарс Таркасом; теперь же, предоставленный самому себе, я продвигался между столами и стульями, спотыкаясь и падая подобно огромному кузнечнику. Получив несколько весьма ощутимых ушибов, к большому удовольствию тарианцев, я хотел прибегнуть к испытанному способу ползанья, но это не понравилось им, и я был грубо поставлен на ноги каким-то огромным детиной, который больше всех смеялся над моими неудачами.

Когда он наградил меня тумакон, чтобы поставить на ноги, физиономия его была очень близком, и я сделал то, что сделал любой, попавший в атмосферу грубости, необузданности и полнейшего отсутствия уважения прав чужестранца: я ударил его кулаком в челюсть, он свалился наземь, как заколотый бык. Когда он упал, я повернулся и прислонился спиной к одному из столов, ожидая мстительного нападения его товарищей, и твердо решил дать им перед смертью хороший бой, насколько позволят мне неравные силы.

Но опасения мои оказались совершенно необоснованными, так как остальные, в первый момент совершенно ошеломленные моим поступком, в конце концов, разразились диким хохотом и бурными рукоплесканиями. В тот момент я не знал, как понять их реакцию, но позднее узнал, что они почтили меня своим одобрением.

Верзила, которого я сшиб с ног, лежал на том же месте, где он свалился, но ни один из товарищей даже не подошел к нему. Тарс Таркас подошел ко мне, протянув одну из своих рук, и так мы дошли до площади без приключений. Я не понял, зачем мы пришли на открытое место, но вскоре получил разъяснение. Вначале они несколько раз повторили слово «сак». Затем Таркас сделал несколько прыжков, причем перед каждым произносил слово «сак». Затем, обернувшись ко мне, он сказал «сак». Я понял смысл их желания и, собравшись с силами, сделал такой «сак», что поднялся на добрые 50 метров; но на этот раз я не потерял равновесия, а встал на ноги, даже не упав. Затем несколькими прыжками по 20–30 метров я вернулся к группе воинов.

Мое представление было дано в присутствии нескольких сот маленьких тарианцев, и они стали просить повторения. Верховный вождь не преминул дать мне соответствующий приказ, но я был голоден, хотел пить и решил, что единственным выходом из этого положения будет потребовать от этих уродов внимания к себе, которое вряд ли будет выказано ими по доброй воле. Поэтому, не обращая внимания на повторные приказы «сак», я, как только произносилось ими это слово, показывал на свой рот и потирал живот.

Тарс Таркас и верховный вождь обменялись несколькими словами и первый, вызвав из толпы молодую женщину, дал ей какое-то распоряжение, сделал мне знак, чтобы я последовал за ней. Ухватившись за предложенную мне руку, я стал пересекать площадь по направлению к большому зданию на другой стороне.

Моя «красивая» спутница была около 3 метров. Она только что достигла зрелости, но рост ее еще не достиг своего максимального предела. Она была светло-зеленого цвета, с гладкой, лоснящейся кожей.

Как я узнал потом, ее имя было Сола, и она принадлежала к свите Тарс Таркаса. Приведя меня в большую комнату, находившуюся в одном из зданий, на площади. Судя по разбросанным на полу лоскутам шелка и меха, это была спальня.

В комнате было несколько больших окон и красиво украшена настенной живописью и мозаикой, но на всем этом лежал отпечаток древности, который ясно говорил о том, что архитекторы и создатели этих чудесных произведений искусства не имели ничего общего с этими дикими полузверьми, обитающими здесь теперь.

Сола знаком попросила меня сесть на кучу, шелка посреди комнаты и, обернувшись, издала страшный шипящий звук, как бы подавая знак кому-то, находящемуся в соседнем помещении. В ответ на ее зов я впервые увидел новое чудо Тара. Оно вошло, покачиваясь на десяти тонких ножках, и село на корточки перед девушкой, подобно послушному щенку. Чудовище было ростом с пони, но голова напоминала голову лягушки, за исключением лишь того, что челюсти были снабжены тремя рядами острых, длинных клыков.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/486874>